

Результативность деятельности «совратителей» можно объяснить, по нашему мнению, как широкой распространённостью раскола на Вятке в силу исторических причин, так и глубокой и искренней верой в свою правоту (рядовые старообрядцы довольно часто при «увещевании» отказывались от своих убеждений, «совратители» же в вере своей были крепки и от раскола «не отвращались»).

Какую-либо организованность в деятельности «совратителей» выявить пока не удастся. Здесь важную роль играло отсутствие организации в самом старообрядческом движении (исключая Белокриницкое согласие), распавшемся на множество толков и согласий, никак не связанных между собой и часто враждебных по отношению друг к другу. Так и «совратители» могли проповедовать идеи разных старообрядческих течений.

Кроме того, встречаются упоминания о раскольнических попах, крестивших детей, а также о раскольнической учительнице, жившей у старообрядцев и учившей их детей грамоте по старообрядческим книгам.

Таким образом, можно с полной уверенностью говорить о Вятке как о «проблемной» для господствующей церкви территории с глубокими старообрядческими корнями. Во второй половине XVIII в. распространение «раскольнического заблуждения» здесь еще более усиливается в результате деятельности как заезжих расколуучителей, так и в еще большей степени местных «совратителей».

Н.М. Игнатова (ИЯИЛ Коми НЦ УрО РАН)

СОХРАНЕНИЕ ДУХОВНОСТИ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОГО И ДУХОВНОГО ПРОТЕСТА СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ В 1930–50-е гг.

(Исследование выполнено при поддержке гранта Президента Российской Федерации молодым российским ученым – МК-2665.2003.06)

Свобода – неотъемлемое условие гармоничного развития личности и общества. Свое выражение духовная свобода имеет, прежде всего, в сфере культуры, так как изначальный и существенный признак культуры – духовное измерение личности и общества. В целом культура в значительной степени самодостаточна и подчиняется больше внутренним законам развития, но власть стремится идеологизировать культуру в интересах господствующей группы. Культурная политика – порождение государственной власти. Именно власть формулирует культурную политику и, в конечном счете, ее реализует, поэтому особую роль играют экономическая и правовая составляющие. Они же являются основным механизмом реализации культурной политики.

Развитие культуры в советское время ориентировалось, прежде всего, на обслуживание правящего режима. Главным критерием для понимания процессов, происходящих в культуре, был критерий общественного прогресса. Классовый подход к культуре и признание необходимости политической борьбы на «культурном фронте» определяли все культурное строительство, а также отношение руководства страны к произведениям литературы и искусства и к религии.

В условиях существования тоталитарного режима определенный интерес представляет вопрос об осуществлении государственной политики среди спецпереселенцев, проживавших в ограниченных местах поселения, в спецпоселках.

В 1930–50-е гг. в СССР в рамках репрессивной политики государства производились массовые насильственные перемещения различных групп населения с мест постоянного проживания в отдаленные районы страны, то есть происходил процесс спецпереселения. Европейский Север на всем протяжении осуществления политики принудительных переселений оставался одним из регионов наиболее активной ссылки. Начало насильственных переселений было связано с государственной политикой коллективизации сельского хозяйства. Принудительная высылка крестьян с осени 1930 г., которая считалась не карательной акцией, а особой формой переселения раскулаченных с применением для них ряда правовых ограничений, получила наименование «спецпереселение», а высланные с мест постоянного проживания (около 1,8 млн человек) стали именоваться «спецпереселенцами». В 1940-е гг. к высылке на спецпоселения определялись представители депортированных народов, репатриированные, военнопленные и другие (в 1944 г. общая численность спецпереселенцев в СССР составила более 2 млн человек).

Спецпереселение в 1930–50-е гг. больших групп населения, по замыслу советского руководства, было направлено не на уничтожение неугодных советскому режиму лиц, а на их перевоспитание, в первую очередь через труд, а также политико-воспитательную работу. Проводить такую работу в спецпоселках должны были школьные учителя и культработники. В ходе создания культурно-просветительских учреждений в спецпоселках (клубов, библиотек, изб-читален, красных уголков и др.) должны были решаться, прежде всего, идеологические задачи. Основная задача, поставленная перед культурно-просветительскими учреждениями в спецпоселках, определялась следующими образом: «переделка спецпереселенцев, классово-чуждых людей, в активных участников нашего строительства путем включения их в процесс производства». Главным элементом исправительной политики оставался труд плюс «культурно-массовая ра-

бота»¹. Предполагалось «максимально» развернуть политико-просветительную работу, организовать кружки, читки газет и литературы, организовать соревнования с поощрением лучших ударников.

Следует отметить, что свободомыслие никогда не удавалось ликвидировать с помощью ограничений в области образования или социальной политики. Репрессивные меры против инакомыслия и подавление интеллекта вызывали ответное противодействие. Такое противодействие проявилось и среди спецпереселенцев. Протест, как осознанное (явное или опосредованное) действие спецпереселенцев, выражавшее недовольство существующим советским режимом, порядками и условиями в спецпоселках, проявлялся на протяжении всего периода спецпереселения через жалобы, побег с мест поселений, стихийные собрания, отказы от работы, а также множество «контрреволюционных» высказываний спецпереселенцев.

Большую роль играл социальный фактор. Преобладающей социальной группой среди спецпереселенцев были крестьяне, являющиеся носителями народной культуры, отличающейся традиционностью, коллективностью и консервативностью. Народная культура имеет всегда глубокие исторические корни, и религия является неотъемлемой частью этой культуры. Тот факт, что в спецпоселках высланные с мест постоянного проживания не только сохраняли свои религиозные взгляды, но и исполняли религиозные обряды при полном запрещении какой-либо религиозной деятельности, безусловно, говорит о том, что духовность была формой протеста. С одной стороны, многие спецпереселенцы выражали недовольство политикой советского государства в целом, а, с другой, пытались сохранить свой духовный мир и в, конечном итоге, свою личностную свободу.

Достаточно сложно говорить в целом о том, какая картина складывалась в спецпоселках относительно сохранения религиозных ценностей среди спецпереселенцев. Связано это с прежде всего с тем, что единственным письменным источником по этой проблеме могут служить отчеты НКВД-МВД «О настроениях спецпереселенцев», составлявшиеся по доносам агентурной сети. Этот комплекс источников имеет некоторые особенности в трактовке и нуждается в интерпретации только наряду с другими источниками.

Достаточно распространены сведения, известные из воспоминаний спецпереселенцев, что в спецпоселках люди продолжали отмечать религиозные праздники и даже отказывались выходить на работу, особенно в праздник Пасхи, и коменданты во многих спецпоселках были вынуждены с этим смириться. В бараках вешали иконы, и многие, не скрываясь, молились. Надо сказать, что эти явления были характерны для советской деревни в целом. Особенность спецпоселков была в том, что любое проявление религиозной деятельности попадало под категорию «сборищ» и,

соответственно, «контрреволюционных организаций», которые курировались непосредственно органами НКВД (МВД).

В 1936 г. в Республике Коми в спецпоселке Вежаю Усть-Куломского района были «выявлены» две религиозные группы католиков и лютеран, которые открыто выступали против местной власти и отказывались от работы: «Раньше мы были богачи, а в данное время злые коммунисты заставляют работать на них, держат голодом, хлеба не дают»². Дабы ликвидировать эти «очаги контрреволюции», было организовано дело о «контрреволюционной организации». Аресты групп спецпереселенцев должны были продемонстрировать, что контроль за деятельностью спецпереселенцев и их идеологическим состоянием ведется непрерывно.

В Архангельской области в декабре 1943 г. было заведено агентурное дело «Секта» на 10 человек спецпереселенцев, проживавших в спецпоселке «Перекоп» Плесецкого района. Все 10 человек были из «бывших кулаков», в том числе одна бывшая монахиня. По данным агентов НКВД это была «религиозно-сектантская группа, участники которой систематически собирались на религиозные сборища, где под руководством К... проводили религиозные моления», которые посещали до 150 человек из населения, прилегающих к поселку деревень. Помимо общих молений устраивались панихиды по случаю смерти, «с чтением Евангелия». Регулярно в течение всего 1943 г. на религиозные службы собиралось от 10 до 30 человек³.

Интересно то, что в органах НКВД уделялось большое внимание пресечению религиозной пропаганды и любой религиозной деятельности. Но во время Великой Отечественной войны отношение к религии со стороны государства изменилось и это повлияло на то, что простого агентурного доноса было недостаточно, чтобы «пустить дело в разработку» и произвести аресты, то есть ликвидировать «контрреволюционную организацию». Поэтому в апреле 1944 г. по делу «Секта» вновь были зафиксированы факты сборищ: «В ночь на 16 апреля 1944 г. руководитель группы К... организовал моление участников группы и верующих за укрепление православной церкви и за здоровье патриарха»⁴.

В 1940-е гг., когда на спецпоселения были высланы спецпереселенцы, принадлежащие неправославным конфессиям, органами НКВД уделялось им особое внимание. В 1946 г. в оперативной разработке по Архангельской области состояло дело «Менониты». Судя по оперативным материалам в спецпоселке Архбумкомбината «группа немцев-менонитов во главе с проповедником В... проводили систематическую антисоветскую агитацию на религиозных сборищах». В конце 1946 г. по-прежнему от агентов поступали сведения о том, что «сборища религиозников-немцев продол-

жают иметь место». Исходя из документов, в отдельные дни общее количество участников сборищ достигало до 100 и более человек, где присутствующих призывали «быть до конца преданными религии»⁵.

В 1947 г. в Архангельской области было заведено аналогичное агентурное дело «Апостол» на «двух человек репатриированных немцев – религиозников». Материалы дела содержали следующие обвинения: «Проводятся систематические антисоветские сборища, вуалируя их отправлением религиозных обрядов. На сборищах присутствует по 75 человек, среди которых фигуранты разработки проводят антисоветскую агитацию, прикрывая ее текстами библии»⁶.

В данном случае некоторые данные, которые отображены в оперативных материалах НКВД, могли быть явно утрированы, например, о численности спецпереселенцев, собирающихся на «моления». Однако, несомненно то, что спецпереселенцы вопреки запретам продолжали не только верить в душе, но и вели религиозную деятельность. Это говорит, во-первых, о том, что традиционная крестьянская культура, включающая и религиозные ценности, оказалась устойчива под гнетом советской пропаганды, а, во-вторых, что сохранение духовности и религиозного мировоззрения в эпоху тоталитарного режима можно рассматривать не только как духовный, но и как социальный протест.

Примечания

1. НАРК (Национальный архив Республики Коми). Ф. 144. Оп. 1. Д. 3203. Л. 1.
2. Спецпоселки в Коми области. Сборник документов. Сыктывкар. 1998. С. 59.
3. Информационный центр при УВД Архангельской области. Отдел спецфондов. Ф. 33. Оп. 1. Д. 7. Л. 15.
4. Там же. Д. 7. Л. 23.
5. Там же. Д. 7 Л. 198.
6. Там же. Д. 20 . Л. 46

Г.П. Калишева (г. Кемерово)

ЦЕРКОВЬ ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ г. ЛЕНИНСКА-КУЗНЕЦКОГО

Село Кольчугино Кузнецкого округа – древнее село. В документах ревизии 1763 г. оно уже было обозначено деревней с количеством проживающих в 89 душ. Росла деревня медленно. Почти сто лет минуло, а в ней еще не было ни своей церкви, ни школы. В 1857 г. Кольчугинское числилось в составе прихода села Борисовского. Там была и церковь во имя святого Николая Мирликийского, и часовня.